
Капиталоген: проблемное будущее капитализма

© 2020 г. А.В. Павлов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 105066, ул. Старая Басманная, д. 21/4;
Институт философии РАН, Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.*

*E-mail: apavlov@hse.ru;
ale-pavlov@yandex.ru*

Поступила 20.02.2020

Автор, вслед за социологом Джоном Урри, ставит вопрос о будущем в контексте социальной теории, а не футурологии. Поскольку капитализм – жизнеспособная система, пережившая своих конкурентов, в рамках социальной теории исследуется будущее капитализма. Когда речь идет о капитализме как системе организации экономики и общества, почти все авторы приходят к выводу, что в будущем он не останется в неизменном виде и либо совсем исчезнет, либо будет трансформирован радикальным или не очень радикальным образом. Хотя даже последняя позиция незначительных трансформаций капитализма не исключает глобальной климатической катастрофы. Поэтому всякий процесс трансформации капитализма осложняется наличной проблемой – экологическим кризисом. По мнению некоторых авторов, сам климатический кризис неотделим от капитализма (по крайней мере, углеродного и финансового), и все вместе они образуют новую геологическую эру – капиталоген. И даже если мы не признаем этот новый и неустоявшийся термин, в любом случае, экология является необходимым условием для радикальной трансформации капитализма, в какую бы форму он ни превратился, с чем соглашаются почти все социальные теоретики. В противном случае у капитализма нет будущего, и будущее капитализма – это будущее экологии.

Ключевые слова: капитализм, капиталоген, будущее, экология, социальная теория, природный капитализм, климат.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–8–32–42

Цитирование: Павлов А.В. Капиталоген: проблемное будущее капитализма // Вопросы философии. 2020. № 8. С. 32–42.

Capitalocene: The Troubled Future of Capitalism

© 2020 Alexander V. Pavlov

*National Research University Higher School of Economics,
21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066, Russian Federation; Institute of Philosophy,
Russian Academy of Sciences, 12/1, Goncharnaya str., Moscow, 109240, Russian Federation.*

*E-mail: apavlov@hse.ru;
ale-pavlov@yandex.ru*

Received 20.02.2020

The author following John Urry raises the question on the future in the context of social theory but not of futurology. As capitalism is a viable system, that outlived its competitors in the framework of social theory is studied the future of capitalism. When it is spoken on capitalism as a system of economic and society organization, almost all the authors come to the conclusion, that it won't be the same in the future. It will either disappear completely or will be transformed radically or in a more projected way. Though, the latter position of minor capitalism transformations does not exclude the global ecological catastrophe. That is why each process of capitalism transformation is complicated by the available problem of ecological crisis. According to the point of view of some authors, the climate crisis itself is undetached from capitalism (at least from carbon and financial ones), and all together they form a new geological era – capitalocene. Even if we do not admit this new and unsettled term, in any case, ecology is a necessary precondition of capitalism radical transformation, in whichever form it transforms. This is almost all social theorists point of agreement. Otherwise, capitalism has no future, and the future of capitalism is the future of ecology.

Keywords: capitalism, capitalocene, future, ecology, social theory, natural capitalism, climate.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–8–32–42

Citation: Pavlov, Alexander V. (2020) “Capitalocene: The Troubled Future of Capitalism”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 8 (2020), pp. 32–42.

Один из самых востребованных сюжетов современной популярной культуры – это репрезентация будущего. Как правило, реже это изображения «обычной» (в смысле не затронутой какими-то проблемами или негативными тенденциями) жизни типа историй про путешествия во времени, как, например, франшиза «Назад в будущее». Но чаще это фантазии на тему неприглядного грядущего, которые называются антиутопиями. Антиутопии в книгах и на большом экране изображаются по-разному. Это могут быть рассказы про восстание машин, общество зрелищ, разруху и нищету и многое др. Однако все это – лишь фантазии писателей, сценаристов, режиссеров, художников, продюсеров и т.д. Почти все образы будущего, будь оно опасным или привлекательным, строятся на футурологии. Футурология – не наука в строгом смысле. Ее нельзя даже отнести к области гуманитарного знания: например, строгая социальная теория старается избегать, как правило, необоснованных предсказаний на столетия вперед. Это не значит, что науки никогда не обращаются за помощью к футурологии; это всего лишь означает, что сама футурология ненаучна. Как заметил экономист Джеффри Сакс, «футурологию некогда высмеяли как псевдонауку» [Сакс 2012, 236]. В том числе этим объясняется тот факт, что вопрос о будущем был исключен из повестки дня строгой, то есть политически неангажированной, социальной теории: социальные

науки неохотно обращались к данной теме, а сама футурология стала самостоятельной «дисциплиной» [Урри 2018, 16].

Однако проблема заключается в том, что и для ангажированной социальной теории эта тема в определенный момент стала неактуальной. То есть левые отказались не только от веры в прогресс, но и от мечты об утопии. Лишь немногие левые мыслители типа Эрнеста Блоха сохраняли верность теме на протяжении жизни. Однако к моменту исчезновения Советского Союза левые, кажется, смирились с тем, что наступил «конец истории» даже не в смысле концепции Фукуямы, а в том значении, что от далекого будущего прекратили чего-то ждать. Прекратили ждать самого будущего. С одной стороны, утопия стала радикально немодной и даже дискредитированной в силу всех катаклизмов XX столетия, с другой – точно так же наступил кризис веры в прогресс [Нисбет 2007]. В ситуации, когда капитализм победил и начался процесс глобализации, на какое именно альтернативное будущее можно было рассчитывать? Наряду с этим на фоне непреходящей популярности антиутопий рассуждать о будущем в терминах научного анализа было неловко.

Социолог Хельга Новотны, сравнивая темпоральность модерна и постмодерна, еще в середине 1990-х гг. пришла к заключению, что будущее исчезло, превратившись в «расширенное настоящее» [Nowotny 1996]. Это было общей тенденцией. Усмотрев ее, один из наиболее сильных левых философов Фредрик Джеймисон решил списать все неприятности расставшегося с будущим марксизма на постмодернизм. Последний, с точки зрения Джеймисона, означал культурную логику позднего капитализма – теперь активно продавалась вся культура, лишённая аффекта и глубины, зато ставшая «шизофренической». В отсутствии новых стилей и форм культуры одной из самых заметных тенденций культурного процесса стала «ностальгия по настоящему», а вместе с ней пастиш – пустое возвращение к стилям прошлого [Джеймисон 2019]. Все это означало одно: про будущее рассуждать было бессмысленно, потому что впереди, даже на самой далекой линии горизонта, лишь маячил поздний капитализм, услужливо предлагающий какие угодно образы непривлекательных сценариев развития человечества – варианты постапокалипсиса на любой вкус. Вместе с тем, в какой-то момент левые осознали подвох. Правда, произошло это сравнительно недавно. Так, итальянский левый социальный теоретик Франко Берарди решил выяснить, как воспринималось будущее в прошлом, и пришел к выводу, что концепт (прошедшего) будущего оказался бесполезным [Berardi 2011].

В тот же самый момент этот диагноз современному обществу поставил британский левый социальный философ Марк Фишер, заметив, что «будущее готовит нам лишь повторение и повторные искажения одного и того же» [Фишер 2010, 14]. Фишер воспроизвел очень удачную формулу Джеймисона, которая звучит так: легче вообразить конец света, чем конец капитализма. Этот сильный тезис хорошо подтверждается сказанным выше. Мы, например, можем обнаружить сотни различных антиутопий в популярной культуре, потому что их гораздо легче вообразить, чем благую жизнь, построенную и отлаженную без существования капитализма. И даже если мы пытаемся вообразить последнюю, получается, как правило, стандартная антиутопия. В таком случае выходит, что капитализму нет альтернатив? Если не считать стандартных – насколько бы оригинальными они ни были – левых идеологом типа «мы будем мечтать о конце капитализма» [Жижек 2012], то хорошо продуманных образов некапиталистического будущего, кажется, в самом деле не существует. Но, возможно, из этой тупиковой ситуации выход все же есть?

Что если мы обратимся не к банальному вопросу о будущем, каким бы оно ни выглядело, но попытаемся помыслить о нем в рамках социальной теории, а не в жанре «футурологии». В таком свете нужно говорить не о будущем вообще, но можно сделать что-то совсем иное – попробовать исследовать вопрос, каким будет будущее с капитализмом и, следовательно, каково будущее самого капитализма? Проблема возникает тогда, когда обнаруживается, что даже неангажированные социальные теоретики не верят в то, что капитализм сохранится. Так, Рэндалл Коллинз отмечает, что

«единственный путь преодоления кризиса заключается в замене капитализма на некапиталистическую систему, что подразумевает введение социалистической собственности и жесткого централизованного управления и планирования» [Коллинз 2017, 110]. Когда и где это произойдет, Коллинз не знает, но в том, что у капитализма нет будущего и уже к концу XXI в. эта система будет разрушена, он уверен. То есть Коллинз, не являясь оппонентом капитализма, делает аналитический прогноз, который мог бы отвлечь нас от поставленного выше вопроса. Однако существует альтернативное мнение.

Это так, что некоторые авторы все еще продолжают воображать жизнь без капитализма и описывают, что именно для этого нужно сделать [Feldman, Lotz 2004]. Но существует иной вариант: если капитализм нельзя трансцендировать, то есть преодолеть, может быть, стоит предъявить ему нормативные требования? Иными словами, некоторые мыслители пытаются обнаружить способы дискурса о будущем, предполагающие не утопические проекты, но программу действий, которые бы, не упраздняя капитализм, сделали бы его приемлемым для жизни всего общества. Здесь возможны разные варианты решений проблемы – от самых скромных и до самых ультимативных. Так, политический теоретик Колин Крауч предлагает всего лишь социал-демократию как идеал [Крауч 2016]. Социальные теоретики Ник Срничек и Алекс Уильямс более радикальны. Они считают, что развитие капитализма нужно ускорить, чтобы перейти в желаемый мир посткапитализма, в котором автоматизация труда упразднит работу, а все люди получают всеобщий базовый доход [Срничек, Уильямс 2019]. Оба решения не предполагают непосредственную борьбу с капитализмом, но предлагают нормативные к нему требования. Но этого определено недостаточно для прогноза.

Прежде чем мы продвинемся дальше, нужно сделать одну существенную оговорку. С понятием «капитализм» связана некая трудность. Для начала его необходимо определить. В самом общем виде капитализм – это «способ организации экономической деятельности посредством быстрой переброски богатства (то есть капитала), осуществляемой за счет инвестирования в различные коммерческие предприятия» [Калхун 2017, 224]. Однако это социологическое определение часто входит в противоречие с левым дискурсом, в котором капитализм всегда понимается как нечто эфемерное, как некая конечная причина, «которая-не-есть-субъект» [Фишер 2010, 124]. Проблемы возникают тогда, когда разные авторы начинают концептуализировать понятие, которое не предполагает процитированной выше генерализации. Именно поэтому еще Лиотар, назвав капитализм «метанарративом», отметил, что нарратив капитализма обо всем и ни о чем [Андерсон 2011, 43] (с течением времени Лиотар не раз уточнял свою позицию по поводу капитализма). Иными словами, если, скажем, мы примерно понимаем нарратив социализма или коммунизма, то капитализм как реально существующий порядок организации экономики и общества не всегда способен выступить удовлетворяющей аналитика всеобщей объяснительной схемой.

Это правда, что при капитализме как организации экономики есть рынок, конкуренция, неравенство и эксплуатация. Но даже здесь возникают большие проблемы с несоциологическим пониманием капитализма вообще. Множество концепций капитализма лишь подтверждают, насколько это понятие размыто. Некоторые авторы еще в 1980-х утверждали, что «организованному капитализму» пришел конец и мы вступили в эру «дезорганизованного капитализма» [Lash, Urry 1987]. Кто-то использует понятие «ковбойского капитализма», а кто-то – «караоке-капитализма» [Герземанн 2006; Риддерстале, Нордстрем 2008]. Надо признать, что объяснительная логика всех этих концепций неодинаковая по качеству и стилю изложения. Ситуация усугубляется новыми тенденциями развития общества – например, новыми технологиями и диджитализацией. За последние десятилетия появились такие термины, как «коммуникативный капитализм», «платформенный капитализм», «цифровой капитализм» [Афанасов 2019; Вайсман 2019; Морозов 2019; Сафронов 2019; Срничек 2019; Dean 2009] и т.д. Эти «капитализмы» сильно отличаются, например, от «углеродного капитализма». И хотя суть всех капитализмов остается одна – извлечение прибыли, – они оказывают

разное влияние на социальное развитие и вообще имеют различный вес по отношению к социальному будущему. Проблема в том, что оно интересует мало кого из авторов. И даже если мы домыслим эти концепции, подставив в них элемент «будущее», все равно оно будет туманным, потому что они предполагают нынешний этап развития общества как данность, то есть остаются статичными.

Таким образом, все эти концепции не учитывают важнейший фактор, ставший ключевым в современной социальной теории, а на деле превратившийся в междисциплинарную научную проблему. По большому счету, новейшие концепции капитализма, обращенные к цифровому миру, уводят наше внимание в сторону важной, но в принципе не смертельной для человечества проблемы (цифровой мир), при этом оставляя в стороне реальную проблему. Что же это за проблема? Разумеется, речь об экологии. Скажем, Джуди Вайсман, специалист в гендерной теории и исследованиях науки и техники, рассуждая об автономии, вспоминает о его опасностях для жизни человека, расовых и гендерных коннотациях, но не обращает внимания на то, какое влияние автомобиль сегодня оказывают на окружающую среду. К счастью, есть авторы, для которых этот аспект является наиболее важным. Именно они имелись в виду, когда выше упоминалось альтернативное мнение насчет будущего капитализма в рамках социальной теории.

Британский социальный теоретик Джон Урри еще давно представлял себе будущее «после автомобиля», наносящего ущерб окружающей среде [Dennis, Urry 2009]. К концу жизни он обратился к изучению будущего как проблемы социальной науки. Книга «Как выглядит будущее?» стала его творческим завещанием: текст вышел сразу после его смерти. (Я уже подробно разобрал его метод [Павлов 2019].) В этой работе Урри не только обращался к темам, которые были ему интересны на протяжении жизни, но также попытался, собрав все воедино, концептуализировать их за счет того, чтобы описать, как город, автомобиль и, конечно, капитализм будут выглядеть в будущем. Он особенно подчеркнул, что если раньше будущее было отдано на откуп футурологии, то он собирается работать с ним как социальный теоретик, то есть не фантазировать о грядущем, но пытаться разработать методологию для научной работы. Тема капитализма у него возникает в самом конце книги и не сама по себе, но в контексте изменения климата, которое сегодня не может игнорировать социальная теория.

Урри считает, что климат на самом деле меняется и это угрожает человечеству. К слову, озабоченность экологией характерна не только для социологов. Экономисты также отмечают значение проблемы. Так, Джеффри Сакс считает, что, во-первых, нынешнее глобальное общество слишком сильно отделилось от природы, чем было до этого (более половины планеты проживает в городах, особенно это относится к развитому Западу), и, во-вторых, «воздействие человека на природу впервые в истории человечества настолько велико, что угрожает фундаментальным биофизическим механизмам функционирования планеты» [Сакс 2012, 233]. Сакс писал это в 2011 г. С тех пор ученые из разных областей знания, занимаясь темой, заговорили об антропоцене – новом геологическом периоде, который может оказаться для планеты Земля последним. При антропоцене ответственным за разрушение планеты (изменение климата, истощение ресурсов, загрязнение окружающей среды и т.д.) становится человек. Тем самым оказывается, что в экологическом кризисе виноваты *все люди*. Урри также обращается к антропоцену, чтобы предложить программу действий для спасения будущего. И хотя Урри пишет про капитализм именно в этом контексте, он не видит очевидного. Ему оставалось немного, чтобы сдвинуться дальше и сделать финальный шаг – связать антропоцен и капитализм, но он его не сделал. Дело в том, что, как указывают некоторые авторы, если мы будем учитывать, что разрушающим образом на планету действует капитализм, а не люди, то все встанет на свои места. Именно поэтому некоторые исследователи предлагают новый термин для описания прогнозируемого кризиса – капиталоцен.

В 2016 г. вышла книга «Антропоцен или капиталоцен? Природа, история и кризис капитализма» [Moore 2016], в которой ученые из разных дисциплин попытались скорректировать представления о разрушительном воздействии на планету человека. Так,

Джастин МакБрайен отметил: «Сегодняшние дебаты о планетарном кризисе породили концепции антропоцена и капиталоцена. Обе исходят из идеи вымирания, но еще не осознали его онтологического значения – для человечества или для капитализма. Что я хочу здесь сказать, так это то, что мы признаем Некроцен – или “новую смерть” – фундаментальным биогеологическим моментом нашей эры: Капиталоцен». МакБрайен утверждает, что вымирание – удел именно капитализма, а не человека, потому что «человека *можно* отделить от капитала. Вымирание это капитал. Не мы» [McBrien 2016, 116, 135].

Другие авторы исходят из того, что антропоцен не предполагает идею культуры, а точнее, уравнивает ее с природой, что создает трудности не только для анализа текущей ситуации в глобальном смысле, но и для борьбы с насущными социальными проблемами. Дэниел Хартли утверждает, что битва «против изменения климата из-за капиталистического производства должна вестись сразу на нескольких уровнях». Конечно, мы должны бороться с очевидными «экологическими» проблемами, такими как новые нефтепроводы и вырубка лесов. Но также мы должны сражаться, считает Хартли, с элементами «капиталистической цивилизации», которые не имеют непосредственного отношения к экологии, но которые на самом деле являются внутренними условиями возможности самой этой цивилизации: насилие в отношении женщин, структурные проблемы домашнего труда, институциональный расизм и т.д. «По своей внешней границе экологическая борьба – это не что иное, как борьба за всеобщее освобождение: мировая экология объединяет эту борьбу на уровне теории» [Hartley 2016, 165]. Вот почему капиталоцен, учитывающий идею культуры, является более важным и адекватным термином, нежели антропоцен.

Джейсон Мур, один из авторов термина (см. также [Харауэй 2016 web]) настаивает, что в случае нового дискурса речь не идет о том, чтобы заменить один термин другим. Капиталоцен – «эра капитала» – говорит о трех вещах, про которые нельзя говорить в перспективе антропоцена. Более того, антропоцен *не может* говорить об этом. Во-первых, капиталоцен настаивает на том, что история капитализма представляет собой сложные отношения капитала, власти и природы как органического целого. Это настоящая «мир-экология», которая затрагивает множество тем и феноменов социальной жизни. Сам капитализм – это не чисто экономическая и социальная система, а «исторически сложившийся комплекс метаболизмов и комплексов». Во-вторых, история капитализма не может быть сведена к использованию ископаемого топлива в Англии или где-либо еще, потому что это история более ранних взаимоотношений власти и «воспроизводства», основанная на деньгах. Эти отношения берут начало с XVI в.; они подразумевают последовательные волны глобального завоевания и всемирных присвоений «дешевой природы». В-третьих, аргумент капиталоцена бросает вызов евроцентричному – и откровенно ложному – взгляду на капитализм, который якобы возник в Англии в XVIII столетии [Moore 2016, 81].

Скорее всего, Урри принял бы все эти аргументы, так как тема экологии и деятельность капитализма для него крайне важны, а тезис об антропоцене, который он воспроизводит несколько раз, повисает в воздухе. При этом Урри отмечает, что далеко не все озабочены проблемами экологии, и называет три установки по отношению к изменению климата. Первая – градуализм. В этом варианте ученые считают, что, хотя климат на самом деле меняется, а виноват в этом человек, данную проблему можно решить относительно легко. Вторая позиция – скептицизм. Скептики полагают, что социальные ученые, переживающие за климат, не очень хорошо разбираются в естественных науках или что у человечества есть более насущные глобальные проблемы. Наконец, третья – катастрофизм, прогнозирующий «климатический геноцид». Сам Урри склоняется к третьей позиции и в целом не раз обращается к теме экологической катастрофы на протяжении книги. Обоснованы ли его сомнения, если учесть, что он является социальным теоретиком, а не географом и геологом? Правда заключается в том, что мы можем найти аргументы в поддержку его страхов. Потому что другие, более изошренные в теории, социологи также пишут про экологические проблемы.

Дело в том, что эти размышления возникают в необычном для экологии контексте – в контексте макросоциологического анализа капитализма и его будущего. Иными словами, экология стала важнейшей темой для многих наук, в том числе социологии.

Итак, ответственность за экологический кризис несет капитализм, но не обычный, а финансовый и углеродный. С этим сложно спорить, потому что даже Крэг Калхун отмечает, что «капитализм создает разные проблемы для самого себя, для человеческого общества и для природы. Однако в большинстве случаев этим проблемы не загоняют капитализм в мертвую петлю. Финансиализация, однако, создает подобную опасность» [Калхун 2017, 224]. Урри бы не стал спорить с этим тезисом. Финансовый капитализм становится все менее управляемым и избегает налогообложения. Все подвергается финансиализации и выводу в офшоры, что подразумевает невозможность работы для небольших инновационных компаний, и задача найти пути построения общества с низким уровнем потребления углеродного топлива становится нерешаемой. Кроме того, Урри обвиняет в экологическом кризисе консюмеризм: чем больше люди потребляют услуг и товаров, тем больше потребляется энергии [Урри 2018, 264–270].

Как решить эти проблемы? Урри не прогнозирует смерть капитализма, но предлагает помыслить его новые формы, социально более ответственные. И хотя как таковой альтернативы финансовому капитализму нет, мы можем разглядеть ее семена в разных активностях – это архипелаг островов, разбросанных по миру и не связанных друг с другом. Этот архипелаг Урри называет «низкоуглеродным гражданским обществом» – различные группы, сети, лаборатории, прототипы, активисты, ученые и проч. Все эти акторы работают над постуглеродными альтернативами производству углеродных газов. К этому следует добавить идею антироста, в рамках которой ценными признаются все виды капитала, а экономика построена вокруг природы, но не вокруг финансовых абстракций.

К слову, хотя другие авторы не выступают за антирост, они считают, что идея экономического роста не является самоценной, «поскольку стало известно о его необратимом и во многом непредсказуемом воздействии на климат» [Ван Парайс, Вандерборхт 2020, 15]. Здесь же можно упомянуть позицию экономиста Джеффа Малгана, который, рассуждая о том, как «перерасти капитализм», также обращается к теме: «господствующие формы современного капитализма будут замещены новыми формами, отражающими идеи, таящиеся в капитализме: изменившиеся концепции роста, как и концепции роста человеческих отношений; изменившиеся способы представления ценности» [Малган 2013, 370]. Антирост предполагает защиту «скрытого богатства», то есть призывает к здоровому социальному взаимодействию. Последнее заключается в отказе от потребления излишних товаров и услуг и ограничении в использовании энергоресурсов. Также, полагает Урри, антирост делает более важными социальные практики на местном уровне, а не на глобальном. На основе всего этого может возникнуть новый, «природный капитализм», концепцию которого разрабатывает Наоми Кляйн [Klein 2014]. Иными словами, к каким бы действиям ни прибегали различные акторы, сам капитализм все равно остается, пусть и измененный.

Все это можно было бы списать на ангажированность и конъюнктуру левых авторов, если бы, как уже было сказано, состоявшиеся макросоциологи не указывали на ту же самую проблему будущего капитализма. Одним из таких авторов является упоминаемый выше Крэг Калхун. В отличие от иных социологов Калхун не убежден, что капитализм ожидает неминуемый развал. Оспаривая точку зрения о гибели капитализма, Калхун пишет, «что, если капитализму суждено утратить свое господствующее место в глобальных экономических процессах, это, скорее всего, будет следствием достаточно длительного преобразования и развития других форм экономической организации наряду с сохраняющейся капиталистической деятельностью». Однако такая позиция не предполагает, что долгосрочное будущее капитализма предрешено [Калхун 2017, 217]. В рамках обсуждения того, как капитализм справляется с кризисами, Калхун обращается к проблеме исчерпаемости природы. Капиталистический рост, конечно, определяется инвестициями, прибылями, производством и урбанизацией. Вместе

с тем для этого необходимы ресурсы, что чревато деградацией окружающей среды, миграцией и прочими проблемами.

Дело в том, что капитализм относится к природе хищнически, то есть руководствуется установкой, что естественные ресурсы существуют для того, чтобы их эксплуатировали. Калхун пишет, что с помощью технологий капитализм использовал и использует до сих пор все больше и больше ресурсов (не только сырье для топлива, но и другие – лес, вода, эксплуатация почвы и т.д.). Очевидно, что ресурсы природы ограничены, но капитализм ориентирован на постоянное расширение и потому сам изобретает новые технологии, чтобы преодолеть ограничения природы. То есть, несмотря на то что «алчность могущественных групп имеет намного более сильные последствия» [Сакс 2012, 234], существуют «искусственно разработанные ресурсы, восполняющие природные, в том числе новации в сельском хозяйстве, новые материалы и новые способы получения энергии» [Калхун 2017, 251].

Но это оборачивается катастрофическими последствиями: наряду с огромными инфраструктурными инвестициями новые технологии обуславливают прирост населения, массовую урбанизацию, ускорение и расширение географической мобильности. Такая организация социальной жизни в разы увеличивает спрос на энергию, который удовлетворяется главным образом углеродными источниками вроде угля и нефти, а кроме них ядерными и другими формами энергии. Ко всему прочему новые технологии спровоцировали спрос на минеральные ресурсы. Чем это чревато? Не только ухудшением экологической ситуации, но и также возможностью масштабного геополитического конфликта: «Масштаб использования природы или необратимого ущерба, нанесенного ей, – это проблема для будущего капитализма (и жизни в целом)» [Там же, 265]. В конце концов, Калхун приходит к выводу, что, хотя он и не прогнозирует развал капитализма, все же даже «успешное обновление капитализма преобразит и его, и современную миросистему, в рамках которой он порождал рост в течение четырехсот лет. В любом случае капитализм изменится в той мере, в какой центр роста сместится из старых западных регионов ядра, связав капитализм с другими историями, культурами и социальными институтами» [Там же].

Однако и это не все. В макросоциологии существуют еще более радикальная точка зрения на будущее капитализма, связанная с экологией. Ранее я отмечал, что, например, Рэндалл Коллинз прогнозирует крах капитализма, причем независимо от экологической повестки дня. Майкл Манн думает совершенно иначе. Поскольку социализм и фашизм оказались не состоявшимися альтернативами капитализму, то, как предсказывает социолог, последний никуда не исчезнет. Вот почему Манн прогнозирует такую модель: глобальный капитализм «с низкими темпами роста, который обеспечивает большее равенство условий во всем мире, но предполагает временную занятость или безработицу 10–15% населения из низших слоев» [Манн 2017, 145]. И хотя Манн не предусматривает больших революционных потрясений, он делает важнейшую оговорку.

Он полагает, что капитализм исчезнет, если произойдут два кризиса. Первый – непредсказуемый, это ядерная война. Второй – хорошо прогнозируемый, это экологическая катастрофа. Манн не сомневается: «Изменение климата происходит. Воздух, вода и земля нагреваются, испытывая при этом более сильные колебания температуры, в основном в результате деятельности человека. Эта угроза глобальна, поскольку, где бы ни происходили выбросы парниковых газов, они затрагивают людей на всей планете. Выбросы порождают другие катастрофические явления: нехватку пищи и воды, таяние ледникового покрова полюса и тундры, подъем уровня моря и т.д. Уже сейчас миллионы людей умирают раньше срока из-за глобального потепления, а выживание некоторых бедных стран окажется под угрозой, если в ближайшие двадцать – тридцать лет наше общество радикально не изменит направление своего развития» [Там же, 148–149]. Что делать в таком случае?

Чтобы предотвратить катастрофу, необходимо принять экстраординарные меры: человечеству как таковому необходимо реформировать три важнейших института –

национальное государство, одержимое идеей краткосрочного роста ради удержания власти, права гражданина (требующего все более качественного потребления) и, разумеется, капитализм. Как же обуздать последний? Манн полагает, что бизнес можно контролировать посредством регулирующего «командно-административного» государства или же посредством введения налогов, взимаемых в зависимости от выработки ресурсов на предприятии. Это также могут быть программы торговли квотами, которые стимулируют капитал инвестировать в отрасли с низким уровнем выбросов [Манн 2017, 149]. В любом случае, однако, активным актором здесь является государство, а не «низкоуглеродное гражданское общество», хотя активисты, которые могут убедить власти принять такие меры, могут сыграть здесь какую-то роль. Однако анализ Манна нормативен: пока ничего не делается. Впрочем, это не новость, потому что «экологические угрозы продолжают множиться, но Америка пассивна и противится действиям. Увы, рыночные силы никогда не устранят их до тех пор, пока общество наконец не предпримет коллективные действия» [Сакс 2012, 235].

Если Урри скорее уповает на активность самого общества и делает ставку на отдельных акторов, Манн смотрит на вещи куда более реалистично: «Возможно, зеленое движение сможет пробудить массы и они заставят политиков обратиться к проблемам защиты окружающей среды; возможно, капиталисты из отраслей с низкими выбросами смогут стать серьезным противовесом тем, кто производит большие выбросы; возможно, предприниматели и ученые смогут сообща выйти на новый этап созидательного разрушения, основанный на новых зеленых технологиях. Но пока ни одна из этих возможностей реально не просматривается даже на горизонте» [Манн 2017, 152]. Вероятно, уже после случившегося кризиса в мире будут согласованы действия по ограничению капитализма, но если такого не произойдет, западные страны выстроят себе крепость «осадного капитализма», также прогнозируемую Джоном Урри в ином контексте [Урри 2018, 228–233]. Так или иначе почти все социальные теоретики, рассуждающие о будущем капитализма, соглашаются в главном: экологический кризис, подготовленный капитализмом, обязательно будет, но для его разрешения ничего не делается.

Итак, мы видим, каким образом философы и социальные теоретики решили проблему дискурса о будущем. Поскольку капитализм – жизнеспособная система, пережившая своих конкурентов, в рамках социальной теории нам следует исследовать не просто будущее, но будущее капитализма. Мы видим, что когда речь идет о капитализме как системе организации экономики и общества (а не об отдельных его концепциях типа «платформенного капитализма»), то почти все авторы приходят к выводу, что он не останется в неизменном виде и либо совсем исчезнет (Коллинз), либо будет трансформирован радикальным (Калхун, Урри) или не очень радикальным образом (Манн). Хотя даже последняя позиция не исключает климатической катастрофы. Поэтому данный процесс трансформации капитализма осложняется наличной проблемой – экологическим кризисом. По мнению некоторых авторов, сам климатический кризис неотделим от капитализма (по крайней мере, углеродного и финансового), и все вместе они образуют новую геологическую эру – капиталоцен. В любом случае, экология является необходимым условием для радикальной трансформации капитализма, в какую бы форму он ни превратился, с чем соглашаются почти все социальные теоретики. Иначе у капитализма нет будущего. Так что будущее капитализма – это будущее экологии.

Источники – Primary Sources

Lash, Scott, Urry John (1987) *The End of Organized Capitalism*, The University of Wisconsin Press, Wisconsin.

Ссылки – References in Russian

Андерсон 2011 – *Андерсон П.* Истоки постмодерна. М.: Территория будущего, 2011.

Афанасов 2019 – *Афанасов Н.Б.* Свободное время как новая форма труда: цифровые профессии и капитализм // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019. Т. 1. № 1. С. 43–61.

Вайсман 2019 – *Вайсман Д.* Времени в обрз: ускорение жизни при цифровом капитализме. М.: Дело, 2019.

Ван Парайс, Вандерборхт 2020 – *Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я.* Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.

Герземанн 2006 – *Герземанн О.* Ковбойский капитализм. М.: ИРИСЭН, 2006.

Джеймисон 2019 – *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.

Жижек 2012 – *Жижек С.* Год невозможного. Искусство мечтать опасно. М.: Европа, 2012.

Калхун 2017 – *Калхун К.* Что грозит капитализму сегодня? // Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 216–265.

Коллинз 2017 – *Коллинз Р.* Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 61–112.

Крауч 2016 – *Крауч К.* Как сделать капитализм приемлемым для общества. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.

Малган 2013 – *Малган Д.* Саранча и пчела: Хищники и творцы в капитализме будущего. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.

Манн 2017 – *Манн М.* Конеч, может, и близок, только для кого? // Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 113–155.

Морозов 2019 – *Морозов А.В.* Навигация по акселерационизму: от некапитализма к посткапитализму через платформы // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2019. Т. 1. № 2. С. 226–242.

Нисбет 2007 – *Нисбет Р.* Прогресс: история идеи. М.: ИРИСЭН, 2007.

Павлов 2019 – *Павлов А.В.* Будущее как предмет социальной теории // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 3. С. 328–344.

Риддерстале, Нордстрем 2008 – *Риддерстале Й., Нордстрем К.* Караоке-капитализм. Менеджмент для человечества СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2008.

Сакс 2012 – *Сакс Д.* Цена цивилизации. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012.

Сафронов 2019 – *Сафронов Э.Е.* Как акселерационизм превратился в платформенный капитализм // *Логос*. 2019. № 3 (130). С. 279–289.

Срничек 2019 – *Срничек Н.* Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.

Срничек, Уильямс 2019 – *Срничек Н., Уильямс А.* Изобретая будущее: посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019.

Урри 2018 – *Урри Дж.* Как выглядит будущее? М.: Дело, 2018.

Фишер 2010 – *Фишер М.* Капиталистический реализм. М.: Ультракультура 2.0, 2010.

Харауэй 2016 web – *Харауэй Д.* Антропоцен, Капиталоцен, Плантациоцен, Ктулуцен: создание племени // *Художественный журнал*. 2016. № 99 // <http://moscowartmagazine.com/issue/39/article/771>

References

Anderson, Perry (1998) *Origins of Postmodernity*, Verso, London, New York (Russian Translation).

Afanasov, Nikolai (2019) Spare Time as a New Form of Labor: Digital Professions and Capitalism, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, Vol. 1 (1), pp. 43–61 (in Russian).

Berardi, Franco (2011) *After the Future*, AK Press, Oakland.

Calhoun, Craig (2013) What Threatens Capitalism Now?, Wallerstein, Immanuel, Collins, Randall, Mann, Michael, Derlugian, Georgi and Calhoun, Craig (eds.) *Does Capitalism Have a Future?*, Oxford University Press, Oxford, pp. 131–162 (Russian Translation).

Collins, Randall (2013) “The End of Middle-class Work: No More Escapes”, Wallerstein, Immanuel, Collins, Randall, Mann, Michael, Derlugian, Georgi and Calhoun, Craig (eds.), *Does Capitalism Have a Future?*, Oxford University Press, Oxford, pp. 37–70 (Russian Translation).

Crouch, Colin (2013) *Making Capitalism Fit for Society*, Polity, Cambridge (Russian Translation).

Dean, Jodi (2009) *Democracy and Other Neoliberal Fantasies. Communicative Capitalism and Left Politics*, Duke University Press, Durham, London.

Dennis, Kingsley, Urry, John (2009) *After the Car*, Polity, Cambridge.

Feldman, Paul, Lotz, Corinna (2004) *World to Win. A Rough Guide to a Future without Global Capitalism*. London: Lupus Books.

Fisher, Mark (2009) *Capitalist Realism: Is There No Alternative?* Zero Books.

Gersemann, Olaf (2005) *Cowboy Capitalism: European Myths, American Reality*, Cato Institute, Washington (Russian Translation).

Haraway, Donna (2015) "Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making Kin", *Environmental Humanities*, Vol. 6 (2015), pp. 159–165 (Russian Translation).

Hartley, Daniel (2016) "Anthropocene, Capitalocene, and the Problem of Culture", Moore, Jason (ed.) *Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism*, PM Press, Oakland, pp. 154–165.

Jameson, Fredric (1991) *Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism*, Duke University Press (Russian Translation).

Klein, Naomi (2014) *This Changes Everything: Capitalism vs. the Climate*, Allen Lane, London.

Mann, Michael (2013) "The End May Be Nigh, But for Whom?", *Does Capitalism Have the Future?*, Wallerstein, Collins, Mann, Derleugian and Calhoun (eds.), Oxford University Press, Oxford, pp. 71–98 (Russian Translation).

McBrien, Justin (2016) "Accumulating Extinction: Planetary Catastrophism in the Necroocene", Moore, Jason (ed.) *Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism*, PM Press, Oakland, pp. 116–137.

Morozov, Artem (2019) "Navigating Accelerationism: from Non-capitalism to Postcapitalism via Platforms", *Galactica Media: Journal of Media Studies*, Vol. 2 (1), pp. 226–242 (in Russian).

Moore, Jason (2016) "The Rise of Cheap Nature", Moore, Jason (ed.) *Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism*, PM Press, Oakland, pp. 78–115.

Moore, Jason (ed.) (2016) *Anthropocene or Capitalocene? Nature, History, and the Crisis of Capitalism*, PM Press, Oakland.

Mulgan, Geoff (2013) *The Locust and the Bee: Predators and Creators in Capitalism's Future*, Princeton University Press, Princeton (Russian Translation).

Nisbet, Robert (1994) *History of the Idea of Progress*, Routledge, London (Russian Translation).

Nowotny, Helga (1996) *Time. The Modern and Postmodern Experience*, Polity, Cambridge.

Pavlov, Alexander (2019) "The Future as a Subject of Social Theory", *Russian Sociological Review*, Vol. 3 (18), pp. 328–344 (in Russian).

Ridderstale, Kjell, Nordstrom, Jonas (2003) *Karaoke Capitalism: Managing for Mankind*, Pearson Education Canada, Toronto (Russian Translation).

Sachs, Jeffrey (2011) *The Price of Civilization: Reawakening American Virtue and Prosperity*, Random House, New York (Russian Translation).

Safronov, Eduard (2019) "How Accelerationism Became Platform Capitalism", *Logos*, Vol. 3 (130), pp. 279–289 (in Russian).

Srnicek, Nick (2016) *Platform Capitalism*, Polity, Cambridge (Russian Translation).

Srnicek, Nick, Williams, Alex (2015) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World without Work*, Verso, London (Russian Translation).

Urry, John (2016) *What is the Future?*, Polity, Cambridge (Russian translation).

Van Parijs, Philippe, Vanderborght Yannick (2017) *Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy*, Harvard University Press, Harvard (Russian Translation).

Wajcman, Judy (2015) *Pressed for Time: The Acceleration of Life in Digital Capitalism*, The University of Chicago Press, Chicago (Russian Translation).

Žižek, Slavoj (2012) *The Year of Dreaming Dangerously*, Verso Books (Russian Translation).

Сведения об авторе

ПАВЛОВ Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, руководитель сектора социальной философии Института философии РАН.

Author's Information

PAVLOV Alexander VI. – DSc in Philosophy, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading Researcher, Head of Department of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.